

Глава 2. Сестры милосердия в Крымскую войну (1854–1856)

Дарья Севастопольская

Формальным поводом к Крымской (Восточной) войне послужил раздор между Православной и Католической Церквями за право обладания ключами от Вифлеемской церкви и за право ремонтировать купол храма в Иерусалиме. На самом деле причины войны лежали гораздо глубже и крылись в международной политической обстановке того времени.

В ходе военных действий традиционно выделяют два этапа:

- 1) война между Россией и Турцией — 1853–1854 гг.;
- 2) вступление в войну Великобритании и Франции на стороне Турции и их вторжение в Крым — 1854–1856 гг.

Начальная военная история сестричеств в России связана со вторым этапом войны⁸⁵. 2 сентября 1854 г. англо-франко-турецкий экспедиционный корпус высадился в районе Евпатории. Русские войска после первого же сражения 8 сентября на реке Альме начали отступление. В их обозе находилась прачка Даша Александрова, дочь матроса, в 15 лет оставшаяся сиротой и зарабатывавшая на жизнь стиркой.

По другой версии Дарья с началом войны продала свои пожитки, купила клячу с повозкой, набрала водки, вина, закусок и отправилась вслед за русскими войсками в качестве маркитантки, т. е. простой торговки, продававшей солдатам разную снедь. “Первоначальный ее план, следовательно, был основан, как рассказывали моряки, чисто на коммерческом расчете”. Однако после сражения “сердце девушки не выдержало потрясающей картины и вступило в свои права. Вместо наживы от продажи своих продуктов, маркитанка обратилась в сестру милосердия и принялась безвозмездно помогать страдальцам”. Она обратила свою повозку в маленький пункт помощи раненым. У нее нашлись укусы, тряпье для перевязки — вино было роздано для подкрепления ослабевших. Проходившие

мимо команды с ранеными являлись к Даше за помощью, однако ее примитивные перевязочные средства, состоявшие из разорванного белья, вскоре иссякли.

Поступок девушки стал быстро известен в Севастополе и даже в Петербурге. Государь пожаловал ей золотую медаль, 500 (!) рублей и, когда выйдет замуж, — еще тысячу, каковую она получила уже после войны. Мужем Дарьи стал простой матрос⁸⁶. Позднее она работала в одном из госпиталей, а когда собралась его покинуть, раненые скинулись и купили ей образ Спасителя⁸⁷. Эта девушка получила прозвище “Даша Севастопольская” — настоящее ее имя удалось установить лишь недавно: Дарья Лаврентьевна Михайлова⁸⁸.

«Импровизированные сестры милосердия»

Естественно, не одна Дарья принялась сразу же оказывать помощь раненым. На следующий день после сражения при Альме жительница Севастополя, Александра Сергеевна Толузакова с несколькими другими добровольцами отправилась на поле боя для помощи пострадавшим. Позднее Александра Сергеевна трудилась в самом городе, обращалась за пожертвованиями к севастопольским купцам, работала на перевязочном пункте близ Малахова кургана, где находилось до 2 тыс. человек⁸⁹. Кроме того, солдатские и матросские жены и вдовы, с согласия госпитальной администрации, получили право содержать у себя на дому раненых и больных в связи с трудностями размещения их в госпиталях. Например, Елизавета Михайловна Хлапоница, жена подполковника, работала на перевязочном пункте Севастополя и позднее, после войны, содержала на свое скудное пособие мужа-инвалида⁹⁰.

5 октября произошла первая бомбардировка Севастополя и началась его почти полугодовая осада английскими и французскими войсками. “Чуткие к патриотическим подвигам наши севастопольские дамы во время бомбардировки города последовали примеру Дарьи Александровны, и многие из них, до приезда из Петербурга сестер Крестовоздвиженской общины,

План осажденного Севастополя в 1854-1855 гг.

1. Екатерининский дворец. 2. Дом дворянского собрания. 3. Дом Гуцица. 4. Дом Орловского. 5. Инженерный дом. + Церковь архангела Михаила

занимались перевязкой ран в госпиталях и немалую приносили пользу раненым,” — писал Х. Я. Ульрихсон⁹¹, врач госпиталя, располагавшегося на Корабельной стороне в Александровских казармах. Уже во второй половине сентября, по его словам, в госпитале появились “импровизированные сестры милосердия”. Жены и сестры ушедших на войну офицеров, увлеченные примером Дарьи, перевязывали, раздавали лекарства, поили больных чаем, присматривали за кухней и трудились таким образом до весны 1855 г. Среди 8 женщин, упомянутых Х. Я. Ульрихсоном, фигурировало и имя А. С. Толузаковой⁹². Однако во всех вышеописанных случаях еще не было речи об организованной помощи раненым и профессиональном уходе.

Основание Крестовоздвиженской общины

25 октября 1854 г. великой княгиней Еленой Павловной была учреждена Крестовоздвиженская община сестер милосердия⁹³. Великая княгиня, дочь Вюртембергского принца, воспитывалась в Париже; в Россию попала в 17 лет (1823 г.), а в 18 вышла замуж за великого князя Михаила Павловича, брата императора Александра I. Одной из черт ее характера было умение найти подход к самым разным по внутреннему складу людям: с историками она беседовала об истории, с писателями — о литературе, с военными — о сражениях и т. д. В 1849 г. Елена Павловна овдовела, после чего все свои силы отдала благотворительности⁹⁴.

Главным врачом и непосредственным руководителем общины стал замечательный русский хирург Николай Иванович Пирогов (1810–1881). Он родился в Москве и уже в 14 (!) лет поступил на медицинский факультет Московского университета, в 21 год сдал экзамен на звание доктора медицины, а в 22 — защитил диссертацию, затем несколько лет работал в Германии у видных хирургов того времени. В 1836 г. Пирогов стал профессором хирургии Дерптского университета, позднее был переведен в Медико-хирургическую академию Санкт-Петербурга в качестве профессора госпитальной хирургии и прикладной анатомии⁹⁵.

Положение раненых и больных в Севастополе

В Севастополь Пирогов прибыл 12 ноября 1854 г.⁹⁶ и обнаружил, что больные и раненые содержались здесь, согласно высказыванию гоголевского попечителя богоугодных заведений Земляники: *“Чем ближе к натуре, тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет”*. С 20-х чисел октября здесь находилось более 10 тыс. раненых — около половины тяжелых, их “как собак бросили... на земле, на нарах, целые недели они не были перевязаны и даже не накормлены”⁹⁷. Не хватало медикаментов, например, в госпитале

Х. Я. Ульрихсона, до появления Пирогова, операции проводились без хлороформа из-за его ничтожного количества⁹⁸. По приезде Пирогов был вынужден в течение 10 дней с утра до вечера оперировать тех, кому операции следовало сделать сразу после сражения, т. е. три недели назад. Следует добавить, что в подавляющем большинстве случаев в госпитали попадали не в результате ранения, а вследствие заразных или иных заболеваний, как писал тот же Х. Я. Ульрихсон: *“Всеми миру известно, что во время войны больше гибнет народа от болезней, чем от неприятельского оружия”*⁹⁹.

Прибытие в Симферополь первого отряда крестовоздвиженских сестер

В конце ноября до Симферополя добралось первое отделение сестер Крестовоздвиженской общины в составе 28 человек во главе с Александрой Петровной Стахович, вдовой майора¹⁰⁰. Н. И. Пирогов не считал нужным отправить их сразу в Севастополь, так как в ноябре в осажденном городе было затишье. Ульрихсон же этим был весьма недоволен, поскольку считал необходимым заменить женщин-добровольцев крестовоздвиженскими сестрами¹⁰¹.

В Симферополе находилось около 4 тыс. раненых и больных¹⁰², содержащихся далеко не лучше севастопольских¹⁰³. Сам Н. И. Пирогов так описывал их положение: *“В Симферополе лежат еще больные в конюшне, соломы для тюфяков нет, и старая, полусгнившая солома с мочой и гноем высушивается и снова употребляется для тюфяков”*¹⁰⁴, а бинты после перевязки едва мылись и мокрыми же накладывались на раны¹⁰⁵. В таких условиях с 1 декабря 1854 г. первое отделение приступает к своим обязанностям. *“Оне (сестры. — А. П.) способнее мужчин для этих занятий (уход за ранеными. — А. П.), — писал позднее другой врач севастопольского гарнизона Х. Я. Гюббенет, — которая ближе подходят к нежному женскому рукодельному труду”*¹⁰⁶. Сестры *“бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают и при операциях, раздают больным чай*

Сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. Третья справа: А. Стахович (Романюк В. П. и др. История сестринского дела в России. — СПб., 1998)

и вино и наблюдают за служителями и за смотрителями и даже за врачами. Присутствие женщины, опрятно одетой и с участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий. Сама директриса (Стахович. — А. П.), женщина еще не старая, в очках, управляется до сих пор... довольно хорошо, поступает энергически и, развезжая по госпиталям, наблюдает за ними. Между ними есть и хорошо образованные: одна монахиня или послушница, одна вдова какого-то офицера, наша (Елизавета. — А. П.) Лоде, говорящая на пяти различных наречиях и выбирающая преимущественно раненых пленных, восторженная и удивляющаяся нередко красоте мужчин”¹⁰⁷.

Продовольствие раненые получали частью за счет общины, имевшей небольшую сумму на такие расходы. Часто в отделениях требовались вещи, не полагавшиеся по табелям и каталогам. На некоего Никитина, ведавшего материальным снабжением, сестры жаловались высокому начальству, князю

Васильчикову, что тот не отпускает угля для самоваров. Князь сердился, велел выписать требуемое, однако Никитин, обращаясь к Васильчикову, саркастически заявил, что, мол, вы после войны сядете в коляску и уедете, а я всю жизнь буду расплачиваться за недостачи — князь смягчился и дал ему официальное предписание на выдачу угля¹⁰⁸.

Сестры в Херсонском госпитале

В это же время в херсонском госпитале трудилось пять сестер¹⁰⁹. Одна из них кратко описала свой рабочий день. В 8 и 12 утра — помощь при перевязках; затем доктор, старшая и дежурная сестры обходили больных, в 6 и 9 вечера они опять перевязывали, а в полночь обе сестры совершали ночной обход, затем дежурная оставалась ночевать в госпитале, а старшая возвращалась домой в час ночи¹¹⁰. Здесь, как и в Симферополе, контроль за госпитальными служителями был одной из главных функций сестер. Спустя несколько месяцев Н. И. Пирогов писал: *“...Они в Херсоне аптекаря, говорят, застрелили. Истинные сестры милосердия — так и нужно, одним мошенником меньше... Правда, аптекарь сам застрелился или зарезался, — до оружия дела нет; но это все равно. Сестры подняли дело, довели до следствия, и дела херсонского госпиталя, верно, были хороши, коли уж аптекарь решился себя на тот свет отправить”*¹¹¹.

Истощение сил первого отряда

К 20 декабря, т. е. спустя три недели после прибытия, симферопольский отряд сестер уже не мог продолжать свои труды, частью из-за перенапряжения и истощения сил женщин, не привыкших к госпитальной работе, а частью из-за начавшейся тифозной горячки, которой переболела сама Стахович и от которой четыре человека умерло. После смерти одной бедной сестры Оленовой, скончавшейся от нервной горячки 19 декабря, из денег осталось всего 60 копеек¹¹². Позднее, уже осенью 1855 г., памятью о печальном опыте первых сестер,

Н. И. Пирогов составит особую инструкцию для наиболее ревностных женщин: *“Итак, вот мой совет сестрам, всем без исключения — и старшим и младшим... трудиться непрерывно для пользы ближнего, но не до изнурения сил... помня, что каждая сестра... живет уже не для одной себя только...”*¹¹³

Труды сердобольных вдов

Примерно в это же время (декабрь 1854 г.) в Симферополь прибыло 60 сердобольных вдов из петербургского и московского Вдовьих домов во главе с начальницей госпожой Распоповой¹¹⁴. Многие из них жили в холодных и сырых татарских саклях на окраине города и далеко от бараков с больными. В целом они занимались тем же, чем и крестовоздвиженские сестры. “Их можно было видеть в палате за больными, в аптеке за лекарствами, в кухне, надзирающих за приготовлением кушанья, в кладовой, разбирающих белье, бинты и корпию; в Комитете раненых, сортирующих и получающих пособия и жертвования; в транспорте, провожающих больных, из одного госпиталя переводимых в другой”. Вдовы писали раненым письма домой, помогали врачам при перевязках, и в целом, несмотря на отсутствие специальных медицинских знаний, занимались важным “нравственно-духовным лечением”, по выражению одного из современников¹¹⁵.

Несколько еще трудоспособных сестер Крестовоздвиженской общины, перенесших тиф, во главе с Лоде, Пирогов отправил в бахчисарайский госпиталь¹¹⁶, где находилось до полутысячи больных¹¹⁷ — из оставшихся сестер он предполагал часть отправить в Севастополь, не желая объединять их с сердобольными вдовами, “чтобы избежать столкновения между женщинами, принадлежащими различным ведомствам”¹¹⁸. Однако в конце декабря в Севастополь было невозможно попасть, так как дорогу туда от Бахчисарая занесло снегом¹¹⁹. Только 13 января 1855 г. из Петербурга, поскольку связь с внешним миром сохранялась, на южную сторону осажденного города прибыл другой отряд сестер из 12 человек во главе с Марией Меркуровой, женой помещика¹²⁰.

Вопрос о первенстве среди английских и русских сестер

Следует отметить, что русские сестры появились и в Симферополе, и в Севастополе позднее, чем сестры Флоренс Найтингейл в Скутари. Пирогов был не вполне прав, отстаивая “пальму первенства” Крестовоздвиженской общины в деле ухода за ранеными в Крымскую войну¹²¹. И те и другие сестры начали действовать накануне создания Общества Красного Креста, как бы предвосхитив его основную гуманистическую идею: ведь именно с ним позднее тесно увяжется судьба русских общин. В этом смысле не столь важно, кто формально прибыл первым в военные лазареты, поскольку идея организации женского ухода за ранеными как бы витала в воздухе, и к ней, независимо друг от друга пришли люди, движимые одинаковыми стремлениями.

Разделение сестер на перевязывающих, аптекарш и хозяек

Силы отряда Меркуровой распределились между главным перевязочным пунктом здания Дворянского собрания и военно-временным госпиталем на Николаевской батарее. Пирогов впервые разделил этих сестер на три разряда: перевязывающих, аптекарш и хозяек. Перевязывающие, помимо проведения перевязок, помогали фельдшерам изготавливать необходимые для того средства; аптекарши хранили лекарства первой необходимости, следили за их регулярной выдачей и контролировали фельдшеров, либо слишком занятых, либо не совсем надежных. Хозяйки смотрели за чистотой белья и общим внешним содержанием больных, а также за действиями госпитальных служителей. В дальнейшем некоторые хозяйки начали раздавать больным бульон, вино, чай и хранить чужую провизию¹²². Профессиональное разделение сестер со временем оказалось вполне эффективным¹²³.

Сестры и солдаты

Помимо ужасного зрелища, которое представлял собой перевязочный пункт, принимавший изуродованных раненых, особые трудности для сестер создавали и сами больные. Среди них были многие, кому не удавалось заснуть, и они из зависти, что кто-то другой спит, умышленно начинали громко стонать и кричать с целью разбудить всех, думая так немного развлечься или уменьшить собственные страдания. Таким надо было либо давать морфий, либо рассказывать сказки и истории, а кого-то даже вдохновлять возможностью блестящей будущности.

Другой солдат, видя, что сестра раздает лекарства, спросил, почему одним больным они положены, а ему — нет. Сестра в ответ заметила, что доктор ничего не прописал; тогда солдат пожаловался Пирогову, непременно желая пить лекарство. В другой раз сестра решила схитрить и стала на ночь поить больного водой с сахаром. Тот остался весьма довольным: “новая душа в меня вступила,” — и начал быстро поправляться¹²⁴.

Несмотря на привередничество, больные любили сестер и старались не подводить их в сложных ситуациях. Однажды великий князь Николай Николаевич посетил госпиталь и угостил одного солдата пряниками. А врач, излишне опасаясь, что тот объестся и от неумеренности ему станет плохо, решил пряники у солдата реквизировать, лукаво обнаружив у него небольшой жар: “Видно, тебя сестры окормили чем-нибудь”. Больной сначала отнекивался, стараясь скрыть недозволенное регламентом тайноядение, но в конце концов признался, что ел пряники, а сестры здесь ни при чем¹²⁵.

Прибытие третьего отряда в Севастополь

В период напряженной работы почти все, кто находился в отряде Меркуровой, заразились тифом, и две сестры скончались, а сама Меркурова перенесла воспаление мозга¹²⁶. Поэтому весьма вовремя, 17 января, на Северную сторону Севастополя прибыло третье отделение из семи сестер Крестовоздвиженской

общины под руководством Екатерины Михайловны Бакуниной, дочери бывшего губернатора Петербурга. Отряд, как и предыдущие, отправился из столицы, а проездом через Москву сестры получили благословение митрополита Филарета¹²⁷.

Через два дня после нового пополнения Н. И. Пирогов решил заняться дезинфекцией Дворянского собрания, зараженного по вине предыдущего начальника этого госпиталя¹²⁸. перевязочный пункт был временно перенесен в небольшие здания на Южной стороне города под общим наименованием “Инженерный дом”, после чего отряды Меркуровой и Бакуниной соединились¹²⁹.

Содержание безнадежных больных

Кроме перевязочного пункта, сестры трудились в частном доме, принадлежавшем некоему Гущину, где содержались смертельно раненные и гангренозные. Над его дверями, по словам Бакуниной, следовало повесить табличку с той же надписью, что и над входом в ад “Божественной комедии” Данте: “*Оставь надежду, всяк сюда входящий*”¹³⁰. Хирурги прозвали его “мертвым домом”, а Ульрихсон писал: “*Атмосфера была здесь убийственная: никакие дезинфицирующие средства не помогали, и не было возможности и пяти минут пробыть в такой палате, особенно во время перевязки ран... Никто почти из этих страдальцев не выздоравливал и редко кто прожил здесь сутки; большей частью через час, через два, изуродованный защитник Севастополя отдавал Богу душу и уносился в особое помещение. Только при наступлении весеннего времени, когда можно было отворять окна, и когда привезена была из Петербурга ждановская жидкость, воздух сделался сноснее и стали являться случаи, если не выздоровления, то по крайней мере возможности произвести операцию и перевести больного в другое отделение... Когда привозили изувеченного на перевязочный пункт и по осмотре раздавалось приказание: в дом Гущина! — несчастный заливался горькими слезами. Каждый солдат понимал смысл и значение этого приговора*”¹³¹. Если стояла теплая

погода, то больных из этого здания выносили во двор, но уже через полчаса после их обратного возвращения, запах вновь становился невыносимым, несмотря на целые ведра особой “ждановской жидкости”, употреблявшейся для очищения воздуха. Впрочем, подобная атмосфера, к удивлению Пирогова, обладала собственными загадочными свойствами: имели место случаи, когда больных с очистившимися ранами переводили из гангренозного отделения в чистую палату, и их язвы принимали вновь прежний вид, так что сами раненые просились обратно. Пирогов долго ломал голову над этим явлением и не мог его понять: *“Есть госпитальная зловредная конституция... которую не исправляют ни доступ чистого воздуха, ни целесообразное распределение больных, ни хорошая пища; причина ее кроется, вероятно, в почве, на которой выстроен госпиталь, или в стенах его, наконец, не знаю где”*¹³².

Работать в таких условиях было крайне тяжело, главным образом потому, что все находившиеся здесь были обречены. Сюда направили двух сестер: Матрону Голубцову, дочь канцеляриста, и вдову коллежского советника Марию Григорьеву. Голубцова незадолго перед этим сломала себе два ребра, когда в дороге опрокинулся экипаж; она перенесла тиф и, в конце концов, летом 1855 г. скончалась от холеры¹³³.

Гангренозные содержались также в доме Орловского, где находилась лишь одна сестра. Из медиков в обоих зданиях — Гущина и Орловского — подвизался лишь лекарский помощник Калашников, прозванный саркастичными медиками Хароном (по греческим мифам, перевозчик душ умерших в преисподнюю)¹³⁴, а с весны здесь начал служить иеромонах Крестовоздвиженской общины Вениамин¹³⁵.

В феврале 1855 г. до Севастополя добрался, наконец, первый отряд А. Стахович из 24 человек — они остались на Северной стороне, где сестер еще не было¹³⁵.

Тяжелораненные

К началу марта Дворянское собрание было окончательно проветрено, и из Инженерного дома сюда переместился глав-

ный перевязочный пункт. Во главе семи сестер, переведенных сюда, встала Бакунина, а уже через неделю, после боев на двух русских редутах, в Дворянское собрание стали свозить множество раненых — в конце марта началась вторая бомбардировка Севастополя, длившаяся до 10 апреля¹³⁷. Сестрам было тяжело не только физически: так, во время дежурства пяти из них только 12 марта на перевязочный пункт поступило 600 раненых¹³⁸, но и психологически, поскольку раненые прибывали в ужасном состоянии: без рук или ног, один с разможенной головой, у другого лицо было сорвано ядром, при этом страдальцы оставались еще живыми. Попадались и пленные, за которыми сестры также ухаживали, например француз с раздробленной ногой, отрезанной рукой, израненной штыком грудью, разрубленной саблей головой и избитый прикладами. Он промучался шесть дней¹³⁹. Французов сестры “не считали врагами и не делали никакого различия от русских”¹⁴⁰. С другой стороны, не все выдерживали подобные зрелища: одна сестра, Грибоедова, не смогла перенести кровавых сцен и, по совету Пирогова, вернулась обратно в Петербург. Это была родная сестра автора комедии “Горе от ума”¹⁴¹.

Перевязочные пункты

Странное зрелище являло в эти дни и само здание Дворянского собрания: двери в нем были из красного дерева с бронзовым покрытием, танцевальная зала отделана белым и розовым мрамором, остальные комнаты оклеены позолоченными обоями. И вот, посреди этой внешней роскоши, в зале, где ранее устраивались балы и танцевали изящные пары, пол на несколько сантиметров вглубь был пропитан кровью, и теперь стояло 100 коек с серыми одеялами, а рядом — зеленые тумбочки; в бильярдной была устроена операционная¹⁴².

Из Дворянского собрания раненых переносили на Николаевскую батарею, располагавшуюся напротив — в нескольких стах метрах к северу, ближе к бухте, для дальнейшей переправки на Северную сторону. Батарея представляла собой

огромное двухэтажное строение, разделенное внутри на большое число казематов. В нем находились воинский штаб, пороховой склад и казарма. Всего новоиспеченный госпиталь мог принять до 600 больных: во всю длину каждого этажа тянулся коридор, по сторонам которого находились глубокие ниши — в них помещалось 6–8 кроватей. В середине коридора висели образа и лампадка, и вечером те, кто был способен вставать, приходили к ним молиться. В нижней галерее здания расположились солдаты — там они ночевали, чинили платье, шили сапоги, кое-кто в кадке солил огурцы. На свободном пространстве, оставшемся напротив операционных казематов, по вечерам собирались доктора, офицеры и сестры, рассказывавшие друг другу новости¹⁴³. Сестрам отвели один из казематов с железной печью, достаточно просторный, но сырой и темный, обращенный маленькой амбразурой к морю. *“Тут мы и пекли, и варили, и устроились, точно цыгане: кастрюли, горшки — все в одной комнате,”* — вспоминала Бакунина, работавшая и здесь¹⁴⁴.

Введение сортировки раненых

Н. И. Пирогов, в связи с огромным притоком больных, для скорого проведения операций впервые ввел сортировку раненых. Выделялось определенное место, куда первоначально свозились больные — это могло быть любое помещение, даже конюшня, палатка или вовсе улица. Среди свезенных на “приемный пункт”, в первую очередь, выделялись совершенно безнадежные случаи — этим умирающим давали наркотические средства, чтобы хоть как-то уменьшить их страдания, но больше ими не занимались. Легко раненые перевязывались тут же фельдшерами, и только тяжелых, которым могла помочь только операция, несли в операционную. Оперировало до трех человек одновременно: один врач следил за пульсом больного в момент хлороформирования, второй зажимал артерии, а третий делал операцию — остановкой кровотечения занимались другие ассистенты. Четыре служителя по команде уносили прооперированного и доставляли следующего. Таким образом,

Пирогов и четырнадцать не всегда опытных врачей примерно за 7 часов делали 100 ампутаций, что позволяло за полтора дня справиться с 600 солдатами. Этот расчет, проведенный самим Пироговым, был весьма важен, поскольку в ноябре 1854 г., когда он только приехал в Севастополь, где находилось более 100 лежавших несколько недель непрооперированных больных, двенадцать бывших там хирургов извинялись нехваткой времени. Но им его достало бы “при большем рвении и большем порядке”¹⁴⁵. Очевидец этих нововведений, обращаясь к другу, восклицал: *“Вы сходите на главный перевязочный пункт... там Пирогов: когда он делает операцию, надо стать на колени!”*¹⁴⁶ Действительно, вера в хирурга среди солдат была неиссякаемой. Однажды на перевязочный пункт солдаты принесли на носилках товарища без головы. Один доктор, увидев эту сцену, замахал руками: *“Куда несете? Ведь видите, что он без головы,”* — на что солдаты отвечали: *“Ничего, ваше благородие, голову несут за нами: авось господин Пирогов как-нибудь привяжет. Человек-то больно хорош!”*¹⁴⁷

Богослужения в осажденном городе

По особому стечению обстоятельств одна из мощных бомбардировок Севастополя 28 марта совпала с окончанием Великого поста — первым днем Светлой седмицы, а также прибытием четвертого отделения сестер во главе с Екатериной Осиповной Будберг¹⁴⁸. Перед этим, в Великий Четверг, служба с чтением двенадцати Евангелий на Южной стороне города совершалась уже не в главном храме, который был разрушен, а в Александровских казармах. В этот день французы уже начали бомбить Севастополь, так что свист ядер и ракет буквально оглушал, однако сестры, присутствовавшие на службе, по свидетельству очевидцев, оставались “совершенно покойны”. Даже Бакунина, лежавшая на Страстной неделе с тифом, нашла в себе силы причаститься¹⁴⁹.

Рано утром в Великую субботу в блиндаже позднее печально известного Малахова кургана совершалось погребение Плащаницы.

Русская батарея после бомбардировки, английская фотография времен Крымской войны (Блумфельд В. Б. Первый военный фоторепортаж // Наше наследие. — 1989. — № 2 (8). — С. 26).

Вместо храма крестный ход обходил блиндаж — в этот момент над людьми со свечами пролетело ядро. Священник, служивший в эти дни в осажденном городе, сказал, что Севастополь — это вторая Голгофа¹⁵⁰. А спустя двадцать лет, во время Русско-турецкой войны, другой иерей назовет второй Голгофой Шипкинский перевал¹⁵¹.

Работа сестер во время бомбардировок

Во время бомбардировки 28 марта—6 апреля по-прежнему проводились операции на главном перевязочном пункте. «Принявшие на себя непосильный труд и тяжелый крест сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, скрепя сердце, прислуживали операторам, хлороформировали оперируемых,

наблюдали за пульсом, держали руку или ногу, которую отрезал или пилил оператор, прижимали пальцами вместо турникета артерию, указанную хирургом, и даже налагали лигатуру на сосуд, из которого сочилась артериальная кровь. Менее способные выдерживать подобные испытания и участвовать при производстве операций, сестры милосердия ходили за тяжело ранеными или оперированными, раздавали им лекарства, поили чаем или вином, отбирали на сохранение собственные их вещи или деньги, писали под диктовку их письма к родным и составляли духовные завещания для безнадежных к выздоровлению”¹⁵². Сестры ставили банки, мушки, пиявки, горчичники, растирали больных уксусом или спиртом, делали кровопускания в присутствии врачей, читали отходные по умирающим¹⁵³. Во время бомбардировки одна из сестер была ранена в плечо, когда в госпитальную палатку провалилась бомба. Женщина чудом осталась живой, тогда как четверых раненых, находившихся рядом, разорвало на куски¹⁵⁴. Другая сестра спустя три недели после этих событий скончалась в жестоком нервном бреду¹⁵⁵. *“Чем ближе госпиталь к театру военных действий и чем сильнее сражение, — писал Ульрихсон, являвшийся очевидцем этих событий, — тем больше является неурядиц в госпитале... Нередко какая-нибудь шальная бомба в одну минуту разрушит все порядки... заведенные неделями и месяцами”*¹⁵⁶.

Хранение сестрами солдатских денег

Апрель ознаменовался иным нововведением, осложнившим и без того трудную жизнь сестер. Помимо обычной раздачи вина и чая больным, им было поручено хранение денежных пособий, выдававшихся в качестве компенсации проампутированным. Существовали весьма странные расценки: за оторванную ногу — 50 рублей, руку — 40, а руку и ногу — 75 рублей (почему не 90?). Сестре было необходимо записывать имя раненого, наименование воинской части и адрес родных. У сестры за один день могло набраться до двух тысяч серебром — баснословная по тем временам сумма — и хранить их в

военных условиях было и страшно и опасно. Хлопот прибавлялось, когда раненый просил разменять крупную купюру, а в осажденном Севастополе сделать это было крайне трудно, к тому же при отправлении больного в другой госпиталь надо было его непременно отыскать и вернуть деньги¹⁵⁷.

Падение Севастополя

В конце мая произошло очередное нападение на русские редуты со стороны осаждавших. Раненых старались сразу переправлять на Северную сторону, но там, за неимением помещений, их клали на землю, превратившуюся в жидкую грязь после трехдневного дождя. Более счастливых помещали на матрасах в солдатских палатках. Вскоре вражеские ядра стали долетать и сюда; перевязочный пункт из здания Дворянского собрания был переведен на Николаевскую батарею. Переносить больных стали 6 июня, в момент штурма одного из кварталов города при сильном обстреле Южной стороны. Бакунина дала слово, что не покинет Дворянское собрание, пока последний раненый не будет переправлен на батарею. Слово она сдержала¹⁵⁸.

В начале июня Н. И. Пирогов, надорвавший свои силы и нуждавшийся в отдыхе, покинул Севастополь, и община временно перешла в ведение начальника Севастопольского гарнизона¹⁵⁹. На Николаевской батарее старшей являлась Е. О. Будберг. Она, желая дать отдых сестрам, решила отменить ночные дежурства, но неутомимая Бакунина с некоторыми сестрами продолжала дежурить ночью до конца осады¹⁶⁰. К первой половине июня *“сестры милосердия — Бакунина, Назимова, Шимкевич и другие, — вспоминал Ульрихсон, — по-прежнему помогали хирургам и так наметались и пригляделись к разнообразным операциям, что любая из них сама бы могла произвести ампутацию, если б ей это было дозволено”*¹⁶¹.

В июле вовремя освобожденное от больных Дворянское собрание было взорвано французами. В этом же месяце в шести верстах от Севастополя, поскольку даже на Северной стороне становилось небезопасно, на Бельбеке, был устроен

палаточный госпиталь, при котором находилась главная начальница общины А. Стахович¹⁶². Другой палаточный госпиталь под начальством сестры Чупати раскинулся на Инкерманских высотах — полностью открытом месте, поэтому в разгар лета солнце палило его нещадно¹⁶³.

С середины августа для организации общей переправы солдат и раненых в тыл началось строительство понтонного моста, связывавшего Южную и Северную стороны. Женщин, кроме сестер, по причине близкой опасности на Корабельную сторону города не пропускали¹⁶⁴. 24 и 25 августа в последний раз штурмовали Севастополь — раненых поступало до тысячи (!) в день. Два этих вечера сряду бухта была освещена горевшими русскими кораблями, подожженными отступавшими войсками. *«Живописно бегал огонь по снастям, — восклицала Бакунина, — как будто это была иллюминация! И так последние дни своего существования Севастополь был ярко освещен горевшими кораблями, остатками нашего несчастного потопленного Черноморского флота!»*¹⁶⁵.

26 августа французы взяли Малахов курган — Севастополь пал. В тот же день в бухте взорвался баркас с порохом: на Николаевской батарее повышибало все стекла, и в ней гулял ветер. Осколки стекол засыпали Будберг и находившуюся с ней сестру, чуть не лишившуюся зрения, — к ней сразу же поспешил на помощь раненый, которого она сопровождала. Возможно, именно эту женщину встретил Ульрихсон после взрыва: *“Одну из сестер милосердия нашел я с повязкой на глазу от ушиба во время падения”*¹⁶⁶. Последними 27 августа 1855 г. Николаевскую батарею покинули Бакунина и Будберг, получившая осколком взорвавшейся бомбы контузию в левое плечо¹⁶⁷. Оставленная Николаевская батарея взорвалась на глазах у сестер¹⁶⁸ — Севастополь был полностью занят французами.

Госпиталь на Бельбеке

В сентябре на Бельбек приехал Н. И. Пирогов. Он обнаружил, что раненые, лежавшие в палатках на матрасах, постланных прямо на голой земле, страшно мерзнут по вечерам и в сырую погоду. Не доставало одеял и не были розданы полушубки. Скорее “по инстинкту, нежели с намерением” он отправился на склад, в цейхсгауз, где, к великому своему удивлению, обнаружил несколько сложенных палаток и тюки с одеялами, которые “добродетельное комиссариатство госпиталя не распаковало, остерегаясь излишней отчетности”. Пирогов распорядился все раздать больным¹⁶⁹. Он сделал замечание Стахович, что у многих раненых грязное белье, тогда как чистых рубаш на складе вполне достаточно для полутора тысячи больных. Старшая оправдывалась тем, что обращалась к начальству с просьбой о выдаче белья, но ее не слушали. Пирогов в ответ возмутился, поскольку ее долг — требовать до тех пор, пока указание не будет выполнено. *“Какое ей дело, что на нее за это озлятся; разве она затем здесь, чтобы снижывать популярность между комиссариатскими и штабными чиновниками?.. Оказывается, и аптека, находящаяся в руках сестер, не в порядке. Сестер теперь много относительно к числу больных, а порядку меньше”*¹⁷⁰. Пирогов решил серьезно взяться за реорганизацию общины, действия которой с сентября сосредоточились, главным образом, в Симферополе, куда было свезено до 13 тыс. раненых¹⁷¹, — госпитали на Бельбеке и Инкермане в сентябре были сняты¹⁷².

Усовершенствования в общине

Усовершенствования свелись к следующему. Под надзор общины попадали исключительно раненые в Симферополе. Сестры вновь разделились на три разряда, в связи с чем Пирогов 3 сентября составил особые инструкции.

1. Сестрам-хозяйкам

«Сестры-хозяйки обязаны преимущественно наблюдать за чистотою воздуха, белья, палат и за надлежащим качеством и

количеством пищи и белья для больных”. Они должны следить за проветриванием палат, осматривать отхожие места, порции пищи для больных, готовить некоторые не положенные по уставу, но дозволенные врачами блюда: манную кашу, бульон, компот и др., а также заваривать чай и кофе. У хозяйки должны храниться водка и вино, выдаваемые по предписанию врачей, и белый хлеб для раздачи в экстренных случаях.

II. Сестрам-аптекаришам

“Обязанность сестры-аптекариши состоит в наблюдении за тщательным сбережением вверенных ей наружных и внутренних лекарств, перевязочных средств и некоторых инструментов... и в раздаче предписанных врачами средств больным”. Аптекариша обязана знать названия и даже вес различных лекарств; должна содержать в порядке корпию*, бинты и лигатуры.

III. Сестрам, перевязывавшим больных, предписывалось готовить перевязочный материал, подкладывать под больных клеенку, чтобы не испачкать гноем или кровью белье, сообщать врачу о замеченном изменении ран.

Соответственно, на барак, где содержались раненые, полагалось три сестры, одна из которых являлась ответственной за соблюдение порядка. Они попеременно участвовали в ночных дежурствах и несколько раз за смену совершали обход. “Всякое вецесловие, неприличный смех, шум, а того еще более раз-молвка между дежурными сестрами строго запрещается под опасением строгой ответственности. Все замеченное сестрами на дежурстве, касающееся госпиталя, больных, фельдшеров и даже самих врачей, должно быть совестливо каждый раз сообщено их начальнице, для чего полезно бы было иметь дежурную книгу”. Вне дома-общины сестры были обязаны подчиняться не настоятельнице, а поставленной над ними старшей.

Пирогов считал необходимым “изменение назначения каждой сестры: хозяйка должна какое-то время быть перевязывающей, аптекариша — хозяйкой и т. д., в связи с чем всем женщинам заблаговременно было необходимо ознакомиться со

* Заменявший вату материал, состоявший из нитей распущенной ткани.

всеми видами занятий. Тем не менее нарушения инструкций оказывались неизбежными не только в силу недостаточной медицинской подготовки сестер, но и из-за сложных условий. Например, в Бахчисарайском и ранее в Бельбекском госпиталях при перевязках употреблялись губки, использовать которые Пирогов строго запретил, белье не менялось, палаты как следует не проветривались (в Бахчисарае), позднее устроенные транспорты недостаточно обеспечивались питьем и одеялами, ночью редко делались обходы, аптекарши не всегда раздавали вовремя лекарства.

Порядок действий общины, суждения о способностях и нравственности сестер, изменения в их служебной деятельности решались теперь во вновь созданном комитете в составе духовника, главного врача и старших сестер под председательством сестры-настоятельницы. Решения комитета вносились в протокол и отправлялись великой княгине Елене Павловне, что придавало ответственность работе сестер. Пирогов предлагал организовать в комитете “совестный суд”, однако прибегать к суровым мерам почти не приходилось. В комитете отныне “рассматриваются поступки и действия провинившихся и замеченных в неисполнении их обязанностей, решается большинством голосов, как должно поступить с виновною и объявляется в зависимости от проступка — выговор, устранение от должности временное; снятие креста временное; удаление из Общины без аттестата и с худым аттестатом”. Впрочем, был устроен лишь один “совестный суд”, по которому решение было вынесено единогласно: “*Оставить без внесения в протокол*”¹⁷³.

Транспортное отделение

Наконец, по прошению Пирогова, покровительница общины учредила новое особое отделение сестер — транспортное¹⁷⁴, на котором следует остановиться подробнее.

Проблема перевозки больных существовала давно. Пирогов еще в декабре 1854 г. говорил о недостатке передвижных средств, отчего больные скапливались в различных неудобных

местах города, так что возникала угроза эпидемии, сутками оставались без еды, проводили целые дни и ночи на полу без матрасов, белья; без шуб терпели природные невзгоды во время перевозок в тряских некрытых телегах по скверным российским дорогам. В подобных условиях даже самые легкие раны осложнялись¹⁷⁵.

В сентябре дела обстояли не лучше. Сам Пирогов по несколько часов простаивал при отправке транспортов. Несмотря на дождь, грязь и темноту, он ходил в лагерь больных, который был довольно далеко от его дома¹⁷⁶. После организации специального отделения хирург решил отправлять с транспортом сестер — во главе отделения он поставил неутомимую Бакунину¹⁷⁷. В Бахчисарае 15 сентября он выдал ей особую инструкцию из шести пунктов, предусматривавших устранение возможных ошибок.

“1) В какой мере возможна перевязка раненых на этапах и сколько, примерно, нужно сестер на каждую сотню раненых?

2) Каким образом утоляется жажда раненых на пути и снабжены ли они или сопровождающие транспорт средствами, необходимыми для этой цели?

3) Выдаются ли раненым, кроме их шинелей, еще каждому одеяло или халат, или же (трудно-больным) полушубок?

4) Как готовится пища на этапах и возможно ли снабдить этап теплыми напитками в холодное время?

5) Осматривают ли транспорт, растянутый иногда на целую версту (около 1,1 км) и более, от одного этапа до другого, врачи или фельдшера?

*6) Соблюдается ли порядок, назначенный в снабжение больных пищею, то есть кормят ли их на тех этапах, где изготовлено должно быть для этой цели?”*¹⁷⁸

Первый транспорт, сопровождаемый доктором, двумя фельдшерами, офицером и тремя сестрами под начальством Бакуниной из Симферополя до Перекопа отправился в сентябре 1855 г. Без малого на 140 подводах, запряженных медленно шедшими волами, было устроено нечто вроде кибиток,

крытых рогожей, на каждой — по четверо раненых, а если трудных — то трое. Из этих почти полутысячи больных больше половины нуждались в регулярных перевязках¹⁷⁹. На первой станции сестры начали перевязывать в 6 утра и кончили только через 3 часа — выехали в полдень и к 8 вечера преодолели лишь 20 верст, однако провожатый по ошибке ускакал в другой аул, и на стоянке больным ужин не приготовили — к счастью, не все хотели есть. Переход следующего дня в 30 верст был проделан за 12 часов лишь к полуночи. Расстояние до перекопского госпиталя, располагавшегося в жандармской казарме, в 130 верст транспорт прошел за 6 дней¹⁸⁰.

В октябре начальством было издано странное распоряжение: выдавать четверем больным на подводе лишь два полушубка, которые с определенного этапа у раненых отбирались и отсылались обратно в Симферополь, а транспорт продолжал свой путь в центральную Россию, где было гораздо холодней. Бакунина хлопотала о том, чтобы полушубки оставались с подводами, но результаты ее забот так и остались неизвестными¹⁸¹. Сестры небольшого отделения Бакуниной¹⁸² не могли сопровождать все транспорты из Симферополя, поэтому и отправлялись они лишь с самыми крупными¹⁸³.

Как говорилось выше, одной из главных функций сестер в Крыму по-прежнему оставался контроль за госпитальными служителями. Случай с херсонским аптекарем был не единственным — осенью 1855 г. Пирогов и одна из старших сестер Карцева отдали под следствие смотрителя симферопольского госпиталя и за неделю поставили запущенный лазарет на ноги, после чего были введены контрольные дежурства сестер¹⁸⁴. Но даже несмотря на принятые меры, Пирогов со своими сотрудниками “не успели поймать, отчего куриный суп, в который на 360 человек кладется 90 кур, таким выходит, что на вкус не куриный, а крупой одной действует, тогда как сестры варят меньшее количество и меньше кур кладут, а вкус лучше... и котлы запечатывали, все не помогает, а надобно подкараулить...”¹⁸⁵

Эпидемия тифа

В начале 1856 г. в Крыму вспыхнула эпидемия тифа. Из 100 больных, поступивших в госпиталь Николаева в январе, до 80 человек были тифозными. Весной тиф пошел на убыль, зато увеличилось заболевание лихорадкой и дизентерией. 14 февраля новый главный врач общины В. И. Тарасов писал в Петербург: *“Правда, сестрам будет довольно трудно — на каждую приходится до 200 больных и кроме того через пять-шесть дней каждой из сестер будет необходимо нести дежурство два дня бес-сменно, но этот труд не пугает их. Мы принимаем дома, в которых больные лежат на полу и при том, так, что где можно поместить 100 — там находится 200, где — 200, там — 400. Надеюсь, что наши сестры не потеряются... Цифры больных в Симферопольских госпиталях достигали 13000, смертность от 125 до 142 человек в сутки, умирают преимущественно от тифа...”*¹⁸⁶.

Отношение военного начальства к сестрам

Постепенно взгляд госпитальной администрации на общину, прежде весьма неодобрительный, стал меняться: по крайней мере, никто уже открыто не выступал против контроля со стороны сестер; этому улучшению в значительной степени способствовали медики, сотрудники Пирогова, такие, как упомянутый Тарасов, прибывший в Севастополь по собственному желанию в январе 1855 г. вместе с Бакуниной¹⁸⁷, еще молодой Сергей Павлович Боткин, позднее возглавивший одну из самых многочисленных общин Петербурга — Георгиевскую¹⁸⁸. Введение помощи сестер “не нравилось людям старого закала; они предвидели, что этим может быть подорвано ненасытное хищничество госпитальной администрации”¹⁸⁹.

Высокопоставленные лица, в том числе командующий русскими войсками в Крыму, говорили, что введение сестринского ухода в условиях войны может привести лишь к падению нравственности в армии. Один из генералов высказал эту идею в достаточно грубой форме самому императору Николаю I¹⁹⁰. Стоит сравнить эту ситуацию с позицией военного министра

Англии, собственноручно писавшего Флоренс Найтингейл о необходимости женского ухода в английских войсках. На самом деле химеры о падении нравственности были искусственно раздуты — сам Пирогов не только не замечал никаких интриг сестер с офицерами, но даже пытался обезопасить первых от подобных подозрений¹⁹¹.

Отношения сестер друг с другом

Опасность подстерегала с другой стороны и крылась она в отношениях внутри общины. Был случай, когда еще во время осады города сестер переводили из одного места на другое в результате глупых сплетен, порой, доходивших до полного абсурда, когда женщины наговаривали на своих подруг: будто одна подавала сигналы неприятельским кораблям, а другая во время купания собиралась уплыть к французам. Именно из-за этого внутреннего неурействия и беспорядков распоряжений Бакунина долгое время не соглашалась стать старшей¹⁹². У нее были крупные несогласия со Стахович, так что Пирогов вынужден был разъединить отряды обеих еще в Севастополе, а к осени 1855 г. их противостояние достигло “высшего градуса”¹⁹³. Бакунина, помимо всего прочего, была каким-то образом оклеветана перед великой княгиней Еленой Павловной¹⁹⁴.

Пирогов смутно догадывался о наличии противоречий в общине¹⁹⁵, однако разбираться в них стал довольно поздно, уже после взятия Севастополя: *“Теперь только я узнал все интриги и сплетни общины,”* — горестно восклицал он в одном из писем октября 1855 г.¹⁹⁶.

Пирогов пришел к выводу, что корнем многих внутренних бед являлась сама начальница общины — Александра Стахович. Она “смотрела на сестер, как на сиделок, требовала только от них, чтобы лизали ее ручки, и тех отличала, которые обращались к ней с подобострастием, к этой же категории принадлежала и старая дева Лоде, которая с своими охами и сладкой сентиментальностью оставляла больных только что не на один произвол Божий; я (Пирогов. — А. П.) ее порядочно

отделал, когда был в Бахчисарае, сказав, что мне не разговоры ее нужны, а дело”¹⁹⁷. Весьма поучительно и уместно вспомнить первоначальные характеристики этим же лицам Пирогова, который теперь стремился устрани́ть Стахович от работы: “Если великая княгиня (Елена Павловна. – А. П.)... не захочет расстаться со Стахович, то я оставляю общину”¹⁹⁸. И 20 октября 1855 г., согласно официальному отчету, составленному все тем же Пироговым, Стахович “по случаю расстроенного здоровья... и от трудов” с некоторыми сестрами первого и второго отделений, “уставшими от продолжительных занятий”, выехали в Петербург¹⁹⁹. Однако не о всех сестрах первого отделения Пирогов отзывался подобным образом: “Замечательно, что самые простые и необразованные из них выделяли себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей”²⁰⁰.

Неудачу первого выбора сестер Пирогов объяснял большой поспешностью, с которой составлялось в Петербурге это отделение. Община, можно сказать, “была сымпровизирована бедствиями военного времени и поэтому имела свои слабые стороны... изобилие дела заменяло недостающую в общине духовную силу и не совсем отличную организацию. Да послужит это уроком будущим основателям”²⁰¹.

Серебряный крест крестовоздвиженских сестер милосердия. Музей истории Черноморского флота (Севастополь) (Дуров В. А. Русские награды XVIII – начала XX вв. – Москва, 1997. – С. 109)

*Старшая сестра
Крестовоздвиженской
общины Е. П. Карцева
(Мухина С. А.,
Тарновская И. И.
Теоретические основы
сестринского дела. – М.,
1996. – Ч. 1. – С. 23)*

общины”, хотя Карцева была моложе и неопытней, как Хитрово, так и Бакуниной. Три вышеупомянутые сестры, по словам Пирогова, явились тремя столпами преобразованной женской организации²⁰⁵.

Настоятельница Е. М. Бакунина

Бакунина после неожиданной смерти Е. А. Хитрово от тифа 2 февраля 1856 г., на Сретение, стала третьей настоятельницей общины²⁰⁶. *“...Вся ее личность дышала истиной... полная гармония царствовала между ее чувствами и действиями”* — вспоминал Пирогов. — *“Она точно составляла слиток всего возвышенного. Чем более встречала она препятствий на своем*

Во главе общины с 20 октября встала Екатерина Александровна Хитрово, приехавшая из Одессы, где ранее была настоятельницей Общины отделения сердобольных вдов²⁰². Она, в отличие от Стахович, хотела называться не главной начальницей, а просто старшей сестрой, и управление общиной взяла на себя с большой неохотой²⁰³. *“Я знала много сестер милосердия, — писала Бакунина, — и только одна олицетворяла этот идеал — это Екатерина Александровна Хитрово”*²⁰⁴. Другой сестрой, на которую опирался Пирогов в деле управления общиной, была уже упоминавшаяся Елизавета Петровна Карцева. С ее прибытием в Симферополь “была введена настоящая гармония в воззрениях и действиях об-

пути самозабвения, тем более выказывала она ревности и энергии. Она покорялась только тому, в чем могла убеждаться сама, обсудив полезную сторону дела; поэтому все ее действия были самостоятельны и отчасти даже деспотичны”²⁰⁷. Действительно, был случай, когда на одном из пунктов остановки транспорта с больными станционный смотритель не хотел пустить Бакунину и сестер на ночевку. Тогда Бакунина, не имевшая разрешения на дневную остановку, заявила: “Довольно взглянуть на наши платья и кресты, чтобы убедиться в нашей правоте,” — затем прошла мимо смотрителя в комнату и села на диван, — больше сестер никто не беспокоил²⁰⁸. В другой раз в пути, уже ранней зимой, подводчики и ходячие раненые, оставив слабых больных зябнуть на улице, бросились в ближайший трактир. Бакунина, выскочив из тарантаса и ворвавшись в кабак, так прикрикнула на них, что все мгновенно пулей вылетели вон, а один даже оставил невыпитой оплаченную стопку водки²⁰⁹. Такого рода деспотичность правильной было бы назвать особой духовной властью над людьми, являвшейся следствием необычной внутренней силы.

*Настоятельница
Крестовоздвиженской
общины Е. М. Бакунина
(Мухина С. А.,
Тарновская И. И.
Теоретические основы
сестринского дела. — М.,
1996. Ч. — 1. — С. 20)*

Численность сестер, временные правила общины

Всего, по официальным спискам, в общине на время войны числилось 160 сестер, из которых 11 скончалось. Кроме отрядов, подвизавшихся в Крыму, существовало небольшое отде-

ление в Гельсингфорсе (Хельсинки), поскольку часть боевых действий разворачивалась близ Финляндии, но здесь было немного раненых²¹⁰.

Устав общины не утверждался еще долгое время спустя после войны. Существовали лишь регулировавшие деятельность сестер временные положения, которые в общих чертах были сформулированы великой княгиней Еленой Павловной и Н. И. Пироговым. Любая женщина, желавшая вступить в организацию, в течение года проходила испытания в госпиталях под руководством старших сестер. По окончании первого месяца срока, когда она оставалась “на наблюдении”, ей выдавалась форменная одежда. В период службы сестра не могла вступать в брак и обязывалась жить в общине. Отличившиеся каким-либо образом: ревностью, особенным поведением, даже хорошим образованием, — могли быть приняты ранее установленного срока; такое же исключение делалось женщинам из высших сословий²¹¹.

Бакунина описывала обряд своего приема в общину следующим образом. Сначала она постилась и приступила к Святым Тайнам, потом выслушала свое клятвенное обещание, зачитанное священником, перед которым она, приложившись к Евангелию и кресту, стала на колени. И иерей надел ей на шею позолоченный серебрянный крест на голубой ленте²¹². На лицевой стороне креста стояла надпись: “*Ты, еси, Боже, Крепость моя!*” — а на оборотной: “*Возьмите иго мое на себе*”²¹³.

Самые первые сестры испытательный срок пройти не успели, но они давали обещание прослужить один год, после чего могли покинуть общину²¹⁴. Жалования они не получали, но имели, кроме казенной одежды, стол и жилье.

Форму женщин описал один из современников, провожавший сестер на вокзале перед их отправлением в Севастополь: “*На всех сестрах были коричневые платья с белыми накрахмаленными обшлагами; ярко-белые и тоже накрахмаленные чепчики на простых гладких прическах; белые фартуки с карманами и — самое главное и самое заметное — наперсные золотые продолговатые кресты на широких голубых лентах.*”

*В этой глубоко обдуманной... униформе была и торжественность и отрешенность от светской жизни, которую вело до того большинство сестер и даже, пожалуй, обреченность*²¹⁵.

Во главе организации стояла великая княгиня Елена Павловна, являвшаяся “Высокой Покровительницей” общины²¹⁶. Непосредственной руководительницей сестер была настоятельница. Начальство общины предприняло попытку устроить коллегияльное управление, в связи с чем Бакунина ратовала за введение “самосуда”, когда проступок одной выносился на суд всех, а не только старших сестер. Рядовым членам общины это не понравилось. Надо заметить, что роль старших сестер с разделением общины на множество разбросанных мелких отделений возросла²¹⁷.

Со второй половины 1856 г. большинство военно-временных госпиталей в Крыму было расформировано, а сестры были отправлены на постоянную квартиру в Крестовоздвиженской общине или на место своего жительства. За особые заслуги комитет общины учредил награду — серебряный памятный крест с позолотой, не предназначавшийся, правда, для ношения, и денежную премию от 100 до 250 рублей. 158 сестер получили бронзовые медали²¹⁸. В августе 1856 г. из Симферополя отбыл отряд сердобольных вдов, из которых 12 человек ранее скончалось от сыпного тифа²¹⁹.

Мнение Н.И. Пирогова о будущем сестер милосердия

Спустя почти двадцать лет после войны Пирогов в одном из своих писем размышлял о будущих судьбах общины, о том, какое мировоззрение необходимо для будущей сестры милосердия. Образцы католического и протестантского служения женщин он отверг сразу, равно как и служение православных монахинь и диаконисс. *“Наша церковь не имеет никаких преданий для подобных учреждений, и она настолько консервативна... что не в силах примениться к насущным требованиям нового времени. Поэтому я думаю, что наши учреждения сестер не должны ничего заимствовать у западных, а должны установиться на новых началах. Наша сестра милосердия не должна*

Н. И. Пирогов (1809—1881) — врач-хирург, организатор военно-полевой хирургии.

быть православной монахиней. Она должна быть женщиной с практическим рассудком и с хорошим техническим образованием, а при том она непременно должна сохранить чувствительное сердце". Деятельность женщин должна стать максимально независимой от госпитальной администрации, а старшие сестры обязаны нравственно влиять на больничный персонал. Таким образом, Пирогов, как и Ф. Найтингейл, на первое место ставил профессионализм, а не религиозность. "Если же мы вздумали бы вводить в наших общинах формально-религиозное направление, то непременно случилось бы то же самое, что произошло при введении в

общину некоей госпожи Вуич²²⁰: мы получим женских Тартюфов"²²¹. Печальное предсказание Пирогова в какой-то мере сбылось, потому что, действительно, практически все общины в России позднее находились в ведении Общества Красного Креста — гуманитарной организации, не зависимой от Православной Церкви. Но с другой стороны, структура всех общин вплоть до революции зиждилась на религиозных принципах, которые изначально явились их духовным фундаментом. А отсутствие прочного фундамента всегда ведет к падению здания.

Судьба общины после войны

Немногие в обыденной жизни и повседневных, однообразных заботах о больных могли сохранить ту же энергию, кото-

рая двигала первыми сестрами, отправившимися в Севастополь. Период внешнего благополучия стал одновременно и кризисным: жизнь вернулась в свою колею, отгремела слава героинь, и уже спустя три года после войны Крестовоздвиженская община была вынуждена публиковать объявления в газетах о наборе сестер, которых явно не хватало²²².

Испытание “серыми буднями” оказалось тяжелым даже для такой мужественной женщины, как Е.М. Бакунина. В 80-е годы XIX века она устроила в своем имении в Тверской губернии больницу для крестьян, сходявшихся сюда со всей округи. В одном из писем Пирогову она, видимо, упоминала об унынии, овладевавшим ею, на что тот отвечал: *“Признаюсь, не понимаю, как вы при вашей опытности и рассудительности, можете еще до сих пор сомневаться в пользе, доставленной вами страждущим людям. Что эта польза относится к общему итогу зла и добра, как капля к морю, это, конечно, также несомненно, но не уменьшает все-таки значения и той доли, или дольки, или дольки пользы, которая осуществлялась и была вами осуществлена на деле... Ни одной минуты вам не следует сомневаться в значении исполняемых вами обязанностей. Взвешивать же и мерить степень приносимой пользы и добра — дело не ваше собственное. Главное — не терять уверенности в значении дела, которому посвящена была жизнь или долгое время жизни. А как мы все своими делами успели доказать всю важность дела, которым занимаемся искренно, с любовью и самоотвержением, это дело не наше...”*²²³

“...В бою-то смерть нам нипочем, а в госпитале — куда как умирать не хочется!” — с горечью восклицал один из раненых²²⁴. На виду у людей, в экстремальных ситуациях и тяжелых физических условиях было гораздо проще совершать подвиги — недаром император Николай I велел засчитать один месяц службы солдат в Севастополе за один год, — нежели изо дня в день заниматься внешне серым и невзрачным трудом ухода за больными. Но, наверное, именно такая безвестная и самоотверженная жизнь, не нашедшая подробного отра-

жения в литературе того времени, и была наибольшим подвигом. Биографии таких людей, как Бакунина, почти неизвестны, зато “Морской сборник”, в котором печатались сообщения о Крымской войне, из номера в номер публиковал выдержки из писем госпожи Стахович, изобиловавшие словами о самопожертвовании и сострадании²²⁵ — они перепечатывались и в других официальных изданиях²²⁶. А когда Бакунина увидела в “Морском сборнике” отрывок из своего письма, опубликованный, видимо, без ее ведома, поскольку все письма сестер печатались по настоянию великой княгини, то врачи, работавшие с ней, посмеялись над тем, как она описывала их госпиталь; Бакуниной было жутко неудобно²²⁷.

Несмотря на все печальное, о чем сказано выше, нельзя преуменьшать заслуг крестовоздвиженских сестер в Крымской войне. В конечном счете, их основное служение состояло вовсе не в оказании санитарной или медицинской помощи больным и не в административном контроле — главным оказалось то, что они были в состоянии, несмотря на все свои немощи, нести в себе тот духовный внутренний свет, какой не могли не полюбить больные, сознававшие, что кто-то находится в постоянном бодрствовании над ними. Об этом очень ярко свидетельствует один из вполне бытовых случаев войны, когда сестра шла через полутемную палату госпиталя, и умиравший солдат попросил ее: “Барышня! Пройдите еще раз!” Сестра исполнила его просьбу, обойдя еще раз больных. Солдат умер, и на его лице сияла улыбка²²⁸.